

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ВУЗОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

Дмитрий Юрьевич Нархов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
d_narkhov@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0104-7324

Для цитирования: Нархов Д. Ю. Поколенческие ресурсы вузовских образовательных общностей и их влияние на развитие университетской науки // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 103–126. DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.5). EDN SKKKMB.

Аннотация. Задача активизации участия университетской науки в обеспечении устойчивого развития страны – актуализировать проблему поиска новых источников развития вузовской науки и её социального пространства. К таким источникам относятся ресурсы общностей вузов: образовательных – научно-педагогических работников, административно-управленческих работников, студенчества и поколенческих – молодого, среднего и старшего поколений. Цель статьи: анализ влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки. Методологическим основанием являются поколенческий, общностный и ресурсный подходы. Эмпирические данные получены на основании анализа статистики Минобрнауки РФ и мониторинга системы высшего образования, двух волн экспертов интервью с сотрудниками вузов Уральского федерального округа (общее количество информантов – 115). Разрабатывается структура поколений вузовских образовательных общностей, приводятся их количественные характеристики и распределения поколенческих групп в них. Объясняются причины преобладания среднего поколения над молодым и старшим в общностях сотрудников вузов. Показано сохранение недостаточной научопригодности студенчества. Анализируется структура ресурсного потенциала образовательных общностей. На основании результатов экспертов интервью вскрыт дисбаланс научных ресурсов и сохранение условий для разрастания академических девиаций. Предложены типологические основания изучения характера влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и групп на развитие университетской науки и соответствующий инструмент – функциональный анализ поколений в вузе. Сформулировано заключение об ограниченности условий межобщностного ресурсного обмена и конвертации ресурсов в процессах научно-исследовательского взаимодействия общностей, сдерживающих развитие университетской науки. Сделан вывод о ресурсном потенциале поколенческих общностей как характеристике стратегического порядка, ядром которого является потенциал научных школ. Последние являются пространством оптимального взаи-

© Нархов Д. Ю., 2025

модействия образовательных и поколенческих общностей, в результате которого достигается синергетический эффект от совместного использования ресурсов разных поколений в научной деятельности.

Ключевые слова: вузовские образовательные общности, научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, студенчество, поколенческие общности, взаимодействие, поколенческие ресурсы, научные ресурсы, университетская наука

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI в.: от кризиса к консенсусу» по гранту Российского научного фонда № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

Введение

Обращение к проблеме развития университетской науки связано с требованием государственной научно-технологической политики более активного, чем существующее, участия вузов в обеспечении технологической независимости и устойчивого развития страны, её федеральных округов (макрорегионов) и отдельных субъектов РФ¹. Попытки преодолеть негативные последствия «всеобщей универсализации страны» и вывести вузовскую науку на позиции мирового лидерства через поддержку части передовых вузов (Проект 5-100) дали определённый положительный импульс, но не достигли намеченной цели. Одним из результатов стало усиление неравенства между вузами «ядра», «полупериферии» и «периферии» [1, с. 247], в разной степени способных реализовать три основные миссии университетов – образовательную, научную, социальную.

Новая геополитическая ситуация и неоптимальные способы управления университетской наукой и её ресурсным потенциалом усугубили накопленные противоречия и привели к ситуации неготовности этой сферы вузовской деятельности к условиям жёстких санкций [2, с. 132].

Действующая программа «Приоритет-2030», в которой начиная с 2021 года принимают участие более 160 вузов из 56 регионов РФ (в 2025 году это 119 вузов страны)², позволила получить ряд позитивных результатов в развитии университетской науки [3]. Тем не менее, существующая ситуация всё же даёт основания говорить о проблеме ограниченности возможностей вузовских образовательных общностей в реализации функции обеспечения технологического суверенитета страны и её отдельных регионов, равно как и о необходимости поиска новых источников развития университетской науки.

¹ Научно-технологическое развитие Российской Федерации. Гос. программа РФ (в ред. от 09.12.2022 № 2272). Пост. Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/121449/> (дата обращения: 03.11.2024).

² Приоритет : официальный сайт. Москва. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 03.06.2025).

К таким источникам относятся ресурсы вузовских общностей – образовательных (научно-педагогических работников (НПР), административно-управленческих работников (АУР), студенчества¹) и поколенческих (молодое, среднее и старшее поколения). Исследование активности этих социальных субъектов в университете научном пространстве, возможности использования их ресурсного потенциала для развития университетской науки могут быть основанием для новых подходов к решению проблемы преодоления противоречия между ограниченностью ресурсов поколений вузовских образовательных общностей и необходимостью их вовлечения в развитие университетской науки.

Объектом исследования являются поколенческие и образовательные общности вузов, предметом – их ресурсный потенциал в развитии университетской науки.

Цель статьи состоит в анализе влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки.

Исследовательские задачи: определение понятия «поколение вузовских образовательных общностей» и границы поколений; характеристика структуры научных ресурсов поколений вузовских образовательных общностей; выявление характера влияния ресурсов поколений на развитие университетской науки.

Теоретическая рамка

Исследование влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки требует обращения к трём группам теорий.

Первая из них – теории поколений, в рамках которых сформировался основной комплекс трактовок поколений как специфической социальной структуры. К. Мангейм отметил, что возрастные группы могут рассматриваться как общность, если они не просто сосуществуют в одном местоположении и в рамках одного временного диапазона. Условием бытия поколений он полагал необходимость их участия «в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [4, с. 36], тем самым фиксируя взаимодействие как важнейшее условие существования поколенческих общностей. Методологические подходы К. Мангейма получили развитие в работах Дж. Пилчер. Она исследовала проблему различия возрастных и социальных оснований выделения и социологического изучения поколений и способ её решения через определение соотношения их качественных (идентичность, опыт, практики) и количественных (численность, возраст) параметров [5].

Теории поколений получили развитие благодаря исследованиям У. Штрауса и Н. Хоува [6], которые предложили градации поколений в рамках конкретных исторических диапазонов и составили социокультурные портреты поколений.

¹ Автор не рассматривает вспомогательные вузовские общности (учебно-вспомогательных, хозяйственных и т. п. работников), поскольку они не включены в непосредственную научную деятельность.

Их работы послужили отправной точкой «буквенно-цифровой» традиции исследования поколений (от «великого» поколения до поколений X – Y – Z и далее).

Руслу этой традиции следовали российские учёные последнего времени, в особенности изучающие молодёжь [7–10], российских профессионалов, к которым принадлежат НПР и АУР вузов [11], студенчество [12]. Последнее изучалось в разрезе его ценностного мира, социального самочувствия, процессов профессионализации, отношения к учебной и внеучебной жизни, способов формирования социального капитала, связи со старшими поколениями, а также «цифрового портрета» [13] «поколения Z».

Вторая группа теорий охватывает проблематику социальных общностей. Её базовые положения сформированы Ф. Тённисом [14]. Из многообразия западного социологического наследия необходимо отметить позицию Я. Щепаньского, который видел в социальной общности «все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определённая социальная связь» [15, с. 117]. Соотнесение этого определения с выделяемыми учёным социальными «кругами коллег» или «обучающихся на одном курсе или в одном учебном заведении» [15, с. 122] выводит нас на понятия профессиональных, образовательных и поколенческих общностей в вузе.

Существенный эвристический потенциал сохраняют положения теории структурации Э. Гидденса [16] в части межобщностных и внутриобщностных связей и воспроизведимых социальными агентами социальных практик. На основе его теории возможен анализ практик социального участия поколенческих и образовательных общностей вузов в развитии университетской науки.

В российской социологии значительный вклад в разработку теории социальных общностей внесён В. А. Ядовым [17], Г. Е. Зборовским [18] и их последователями. Мы будем опираться на постулаты теории социальной общности [19, с. 175–178], общностнообразующие признаки [19, с. 188] и определение образовательной общности.

Для изучения заявленной проблемы особое место занимают два тезиса теории социальной общности. 1. Признание возможности участия людей в разных типах общностей одновременно в силу разнообразия их деятельности. На этом основании базируется возможность изучения взаимно пересекающихся групп в общностях НПР, АУР и студенчества, равно как и исследование поколенческих общностей, объединяющих в себе их группы. 2. Одним из общностнообразующих признаков выступает разнообразие и объём принадлежащих или контролируемых общностью ресурсов, которые могут и используются для реализации её социальных функций, в том числе и воспроизведения университетской науки.

Изучение ресурсного потенциала изучаемых общностей ведётся на основании положений *третьей группы социологических теорий* – множественности ресурсов и капиталов [20–22], ресурсного обмена [23] и ресурсной зависимости [24].

Положения теории множественных ресурсов позволяют выделить ресурсные комплексы изучаемых общностей, включающие группы научных,

финансово-материальных, социальных, социокультурных, символических и иных. Как особый тип социальных взаимоотношений можно рассматривать капиталы образовательных и поколенческих общностей через составляющие их ресурсы.

Теория ресурсного обмена даёт основания для изучения процессов наращивания и (или) расходования общностных ресурсов в ходе их взаимодействия в университете научном пространстве и фиксации результатов развития, стагнации или кризиса научной деятельности в вузах.

Теория ресурсной зависимости объясняет свойства ресурсов быть источником власти. Её положения выступают основанием для выявления возможностей вузов как социальной организации и (или) отдельных социальных структур, действующих в университетской среде, оказывать влияние на агентов взаимодействия путём ресурсного обмена, с позиций участия в научно-исследовательской деятельности. Такими структурами являются каждая из изучаемых нами общностей.

В российской социологии положения ресурсного подхода активно разрабатывались В. В. Радаевым, [25], Н. Е. Тихоновой [26] и её соавторами [11]. Ресурсный потенциал территориальных общностей, их социальные ресурсы в пространственно-временном ракурсе исследовались Ю. А. Дроздовой [27]. Особое значение для нас имеет комплекс публикаций, в которых разработаны теоретико-методологические положения ресурсности общности научно-педагогического сообщества вузов [28; 29]. Представления этих авторов о структуре и характере использования ресурсов применены для изучения ресурсных потенциалов вузовских поколенческих и образовательных общностей.

Для вузовских образовательных общностей научное, образовательное и научно-образовательное знание составляет фундамент социального контекста их существования. Поэтому в качестве дополнительных нами будут привлекаться концепции научного и образовательного знания, в частности, представления М. Шелера [30].

Кроме названных, для исследования имеют значения концепции, затрагивающие изучение вузовских образовательных общностей и их поколенческих групп как субъектов научной деятельности, в которых рассматриваются конкретные проблемы их функционирования в университете научном пространстве. Они касаются проблем исследовательской культуры студенчества [31], возрастных групп НПР [32], управления вузовской наукой [33], профессиональных династий в академической среде [34], межпоколенческого взаимодействия вузовских учёных [35] и др.

Эмпирическая база

Источниковой базой избраны вузы Уральского федерального округа (УрФО) – макрорегиона с высокоразвитой университетской, академической и социально-экономической структурой, типичной для нестоличных

федеральных округов. В 2024 году в округе насчитывалось 87 вузов, включая 40 филиалов¹, 73 государственных и муниципальных, 14 частных. В УрФО расположены: один федеральный университет, один национальный исследовательский университет, два опорных университета, три – участника проекта «5-100», 10 – программы «Приоритет-2030»². Структура высшего образования округа отличается неравномерным распределением университетов и, соответственно, образовательных общностей по субъектам округа. В Свердловской области располагается 22 головных вуза, учится 125,9 тыс. студентов, работает 8,79 тыс. НПР и 3,7 тыс. АУР, в Челябинской области – 13 головных вузов, 83,93 тыс. студентов, 5,36 тыс. НПР, 2,28 тыс. АУР. В Тюменской области и ХМАО – по 5 вузов, в Курганской области – 2. ЯНАО располагает единственным филиалом с 92 студентами, поэтому данные по этому региону не учитываются.

Общая численность изучаемых вузовских общностей УрФО в 2024 году составила:

- НПР – 19 534 человека, включая 5 125 внешних совместителей³;
- АУР – 8 329 человек, в том числе 343 внешних совместителей⁴;
- студенчества – 292 659 человек⁵.

Эмпирической основой являются материалы, полученные в результате анализа статистических данных и качественных исследований.

1. Для характеристики поколенческих групп использовались статистические данные Минобрнауки РФ (своды ВПО-1 за 2024 год, далее – «Своды»)⁶ и ежегодного мониторинга эффективности вузов⁷ (далее – «Мониторинг»).

2. Особенности ресурсного потенциала образовательных общностей выявлялись в ходе исследования «Проблемы и перспективы взаимодействия образовательных общностей в научном пространстве вузов УрФО», 2024–2025 гг. Серия полуструктурированных интервью с НПР и АУР двух типов: экспертов (Э, N=43) и информантов (И, N=32). В качестве экспертов отбирались доценты,

¹ Автор не включает в совокупность исследуемых объектов филиалы и вузы, ведущие подготовку специалистов в интересах военных и других силовых структур.

² Полный список вузов «Приоритет-2030» по федеральным округам РФ // Поступи-онлайн : сайт. URL: <https://clck.ru/3MiXco> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Рассчитаны как совокупность профессорско-преподавательского состава и научных работников.

⁴ Рассчитаны как совокупность руководящих работников, включая деканов (директоров институтов), заведующих кафедрами и административных работников. Данных о численности руководителей образовательных программ в статистике Минобрнауки РФ не выявлено.

⁵ Учитываются студенты образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры.

⁶ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

⁷ Мониторинг деятельности организаций высшего образования. Характеристика системы высшего образования в РФ // МИРЭА. Главный информационно-вычислительный центр : сайт. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 01.06.2025).

профессора, зав. кафедрами, деканы факультетов и директора институтов, руководители структурных подразделений, проректоры по науке с опытом исследовательской работы от 10 до 40 лет. Информантами выступали НПР и АУР с опытом исследовательской деятельности или управления научной работой более трёх лет, студенты выпускных курсов и аспиранты.

Интервьюирование проводилось с сотрудниками университетов Свердловской, Челябинской, Тюменской областей и ХМАО следующих типов: федеральный, национальный исследовательский, опорный университеты; вузы, имеющие специфику подготовки кадров для экономики и социальной сферы (медицинские, технические, аграрные, архитектурный вузы и др.).

3. Для выяснения характера влияния поколенческих ресурсов на развитие науки в вузах использовались результаты исследования «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в университете сообществе УрФО XXI в.», 2025 год (НПР, $n=20$; АУР, $n=20$)¹. Отбор респондентов – в соответствии с репрезентативной моделью по признакам региона, типа вуза (статусный/не статусный), распределения по направлениям подготовки (естественнонаучное и инженерно-техническое, социальное и гуманитарное), поколениям (молодое, среднее, старшее), должностям НПР и управлению уровню (высшее руководство, руководство среднего и низшего уровня).

Результаты

1. Структура поколений вузовских образовательных общностей

Изучение поколенческой структуры требует определения базовых понятий.

Вузовское (университетское) сообщество представляет собой разнородную и полисубъектную социальную структуру – реально существующую, эмпирически фиксируемую и самовоспроизводящуюся на основе формальных правил и традиций взаимосвязь (совокупность) поколенческих и основных образовательных общностей высшей школы и групп внутри них, обладающих общим значимым основанием для совместной деятельности – реализации образовательной, научной и социальной миссий высшего образования.

Общности НПР и АУР рассматриваются нами как социально-профессиональные совокупности (взаимосвязи) сотрудников высшей школы. Для первых основными видами профессиональной деятельности являются образовательная и научная, для вторых – руководство и администрирование вузовской деятельности. Специфика НПР заключается в центральном положении в структуре университетского научно-образовательного пространства. Особенность

¹ Использованы данные, полученные научным коллективом указанного выше гранта. Руководитель: д.ф.н., проф. Г. Е. Зборовский, участники: д.с.н., проф. П. А. Амбарова, д.с.н., проф. Н. Б. Костина, д.с.н., доц. Н. В. Шаброва, к.с.н., доц. Д. Ю. Нархов, к.с.н. А. А. Дроздова, к.с.н. Е. В. Кеммет, ст. преп. Д. А. Гладырев, студенты В. Р. Нопина, С. А. Егорова.

общности АУР состоит в том, что преподавание и наука для неё является объектом управления, а для части управленцев – дополнительной профессиональной деятельностью.

Общность студенчества представляет собой совокупность (взаимосвязь) людей, участвующих в научно-образовательном процессе высшей школы в качестве обучающихся по программам высшего профессионального образования. Её важное свойство – незавершённость общекультурной, научной и профессиональной социализации как будущих работников интеллектуального труда.

Поколенческая структура университетского сообщества недостаточно разработана. Идущий от Штрауса и Хоува [6] «буквенно-цифровой» подход к поколенческим исследованиям не подходит для поставленных нами задач исследования, поскольку изначально не нацелен на фиксацию «текущего момента», необходимого для определения количественных характеристик изучаемых общностей и определения роли поколенческих структур в развитии университетской науки.

Поколения в высшем образовании целесообразно рассматривать в двух курсах. Первый – возрастной (когортный), предполагающий изучение специфики отдельных возрастных групп в рамках образовательной общности. Второй – общностный. Поколенческую общность высшего образования можно определить как относительно единое и самостоятельное объединение (взаимосвязь) близких по возрасту представителей университетского сообщества, обладающих схожими социокультурными характеристиками (ценностями, интересами, потребностями) и общими функциями в системе поколенческих отношений вуза.

Каждую из образовательных общностей (НПР, студенчества и АУР) можно представить в виде сложной поколенческой социальной структуры, состоящей из групп-поколений молодых, средних и старших возрастов, имеющих свою структурную и функциональную специфику. Анализ нормативных требований¹ и статистических данных Минобрнауки РФ даёт основания выделить общие для НПР и АУР границы поколений, а также рассчитать их общую численность:

- молодое, до 35 лет, а при наличии учёной степени – до 39 лет;
- среднее, от 35 до 55 лет;
- старшее, от 55 лет и более.

По состоянию на 2024 год общность НПР России насчитывает 309 425 чел., из них молодое поколение – 57 735 чел., среднее поколение – 151 280 чел., старшее – 100 410 чел. Общность АУР в этот же год насчитывала 110 021 чел., в её составе молодое поколение – 26 338 чел., среднее – 54 618, старшее – 29 065 чел².

¹ Об утверждении методики расчёта показателей мониторинга системы образования. Приказ Минобрнауки России от 11.06.2014 № 657 (ред. от 18.12.2019). Показатель 4.3. Кадровое обеспечение // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://clck.ru/3LNgYf> (дата обращения: 02.06.2025).

² Расчёт автора. Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

При том, что границы поколенческих групп в общностях НПР и АУР совпадают, вычислить суммарную численность поколений в этих группах вряд ли возможно в силу специфики статистического учёта ВПО. Так, управленцы среднего управленческого звена (деканы, директора институтов и департаментов, заведующие кафедрами) учитываются в составе ППС.

На 01.01.2024 студенчество РФ насчитывало 4 431 687 чел.¹ Заметный рост в составе студенческой общности представителей старших возрастных групп, отсутствие нормативных ограничений, а также особенности ведомственной статистики позволяют определить границы поколений студенчества в иных рамках:

- молодое, до 25 лет (их численность на ту же дату – 3 443 996 чел.);
- среднее, от 25 до 40 лет (811 560 чел.);
- старшее, 40 лет и более (176 131 чел.)².

Распределение поколенческих групп в общностях рассчитано по данным Сводов и представлено на рисунках 1–3.

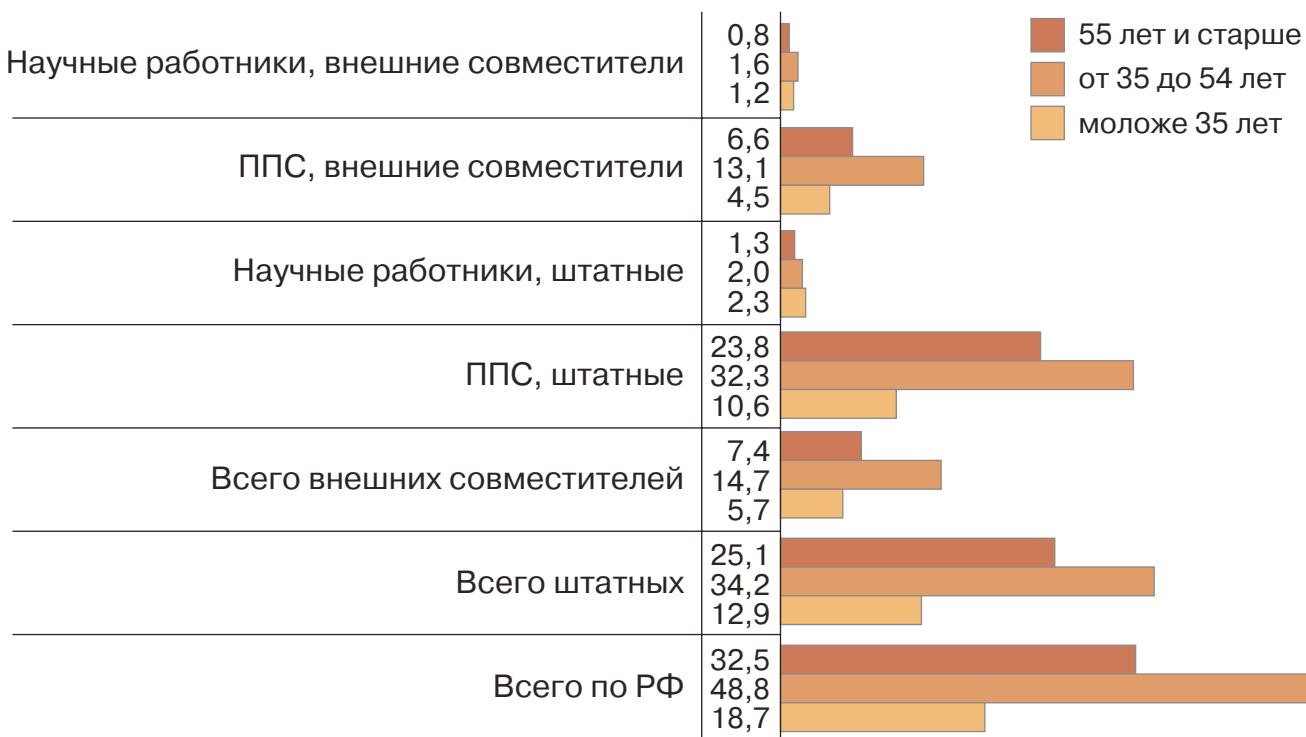

Рис. 1. Распределение поколенческих групп в общности НПР, 2024 г., % от общей численности общности в РФ

¹ Источник: Мониторинг деятельности организаций высшего образования. Характеристика системы высшего образования в РФ // ГИВЦ : сайт. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 01.06. 2025).

² Расчёт автора. Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

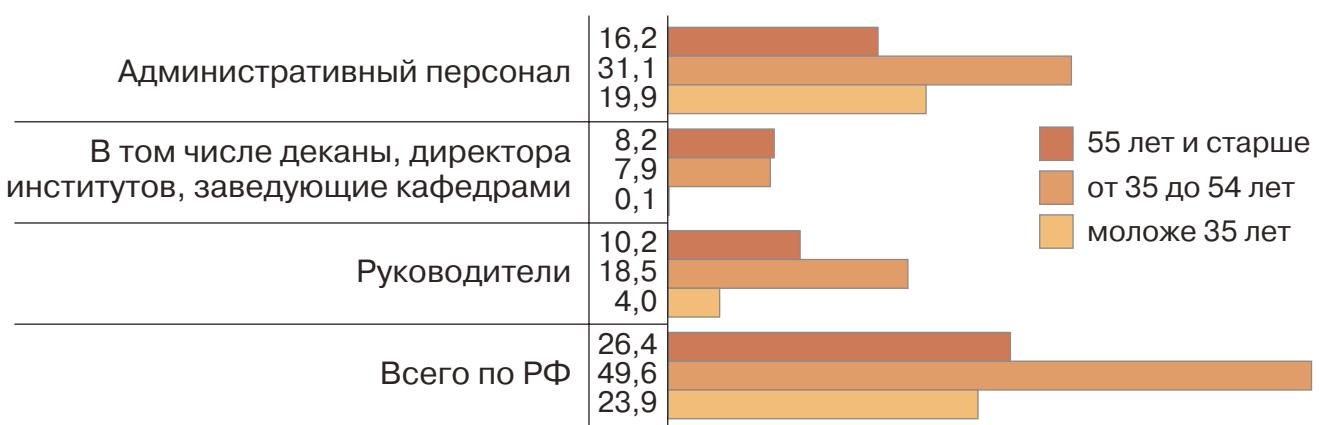

Рис. 2. Распределение поколенческих групп в общности АУР, 2024 г., % от общей численности общности в РФ

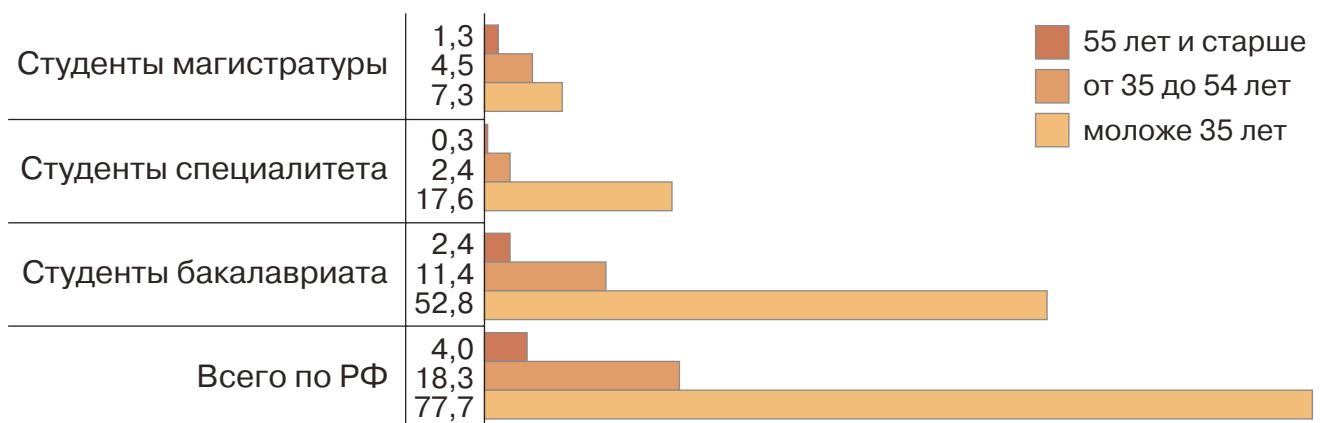

Рис. 3. Распределение поколенческих групп в студенческой общности, % от общей численности общности в РФ на 01.01.2024

В общностях НПР и АУР наблюдается преобладание средних и «отставание» численности младших возрастных групп. Объясняет этот факт ряд причин. Первая заключается в неравенстве периодов профессиональной активности в этих группах: для младшей он не превышает 10 лет (считая от возраста окончания вуза и вхождения в профессию), для средней – 20–35 лет, для старшей – 35 лет и более. Её мы считаем важной, поскольку вузовские общности являются самовоспроизводящимися структурами, для которых характерно длительное нахождение в профессии [36, с. 251].

Вторая причина – специфика вузовской профессиональной деятельности. Большая часть нагрузки в реализации научно-образовательных миссий университета традиционно лежит на корпусе доцентов – кандидатов наук [36, с. 263], преобладающих в численности среднего поколения НПР. Для АУР наблюдается схожая картина: средняя поколенческая группа более всего включена в управление самого массового в вузе «среднего уровня» (специалисты блоков проректоров, директора институтов и их заместители и др.). Обращает на себя внимание практически полное отсутствие молодёжной группы в составе АУР

среднего управленческого уровня как следствие недостатка управленческого КПИ, необходимого для занятия руководящих позиций.

Третья причина – длительность подготовки научно-педагогических кадров в сочетании с системой вузовской оплаты труда. Занимаемые в большинстве своём младшими группами НПР и АУР низкооплачиваемые должности сочетаются со сложностью продвижения по карьерной лестнице. Главный ограничитель для преодоления этого препятствия – отсутствие научной степени. Сложность в её получении сочетается с высоким потенциалом молодёжных групп к горизонтальной профессиональной мобильности, что снижает базу для воспроизведения и НПР, и АУР.

Исключение составляет небольшая группа вузовских штатных научных работников, в которой преобладают представители молодого поколения (см. рис. 1). Так проявилась политика на омоложение НПР вузов, в том числе и путём создания молодёжных научных лабораторий. В УрФО в 2024 году действовало более 40 таких лабораторий. Только в Уральском государственном медицинском университете их девять.

Студенчество остаётся в основном молодёжной общиной, более всего обучающейся в бакалавриате. Именно эта общность представляет собой базу для пополнения кадров университетской науки, впрочем, сильно ограниченную. Это связано с особенностью социализации современной молодёжи в условиях общества неопределенности, выражющейся в коротком горизонте планирования жизненных стратегий, чаще всего не далее 4–5 лет. Кроме этого, профессиональные стратегии студентов более ориентированы на обеспечение высокого качества жизни, а потому и на рабочие места с высоким уровнем дохода. В итоге, по утверждениям наших респондентов, заинтересованных в науке как профессии, в студенческой общине находится не более 5–10% от численности академических групп. *«Единицы подходят к ней [науке] серьёзно, не на последних курсах, а развиваются от года к году. В основном наука студенческая завязана на нужды студента, сиюминутной сдачи экзаменов, [...] на получение дополнительных возможностей, финансов, а не как своё развитие в науке»* (Э-2, м., д-р мед. наук, доцент).

Далее обратимся к анализу ресурсного потенциала поколений вузовских образовательных общин.

2. Ресурсный потенциал поколений вузовских образовательных общин

Ресурсный потенциал научно-исследовательской деятельности целесообразно рассматривать в виде сложной системы взаимосвязей комплексов средств, запасов, резервов и сил, которые могут быть привлечены и находятся в непосредственном использовании в научных целях их носителями – распоряжающимися или контролирующими их общинами. Поскольку ресурсы включены в процессы их капитализации, постоянного движения и конвертации, ресурсный потенциал университетской науки можно рассматривать как сложную,

динамичную социальную систему, основная цель которой – производство, трансляция, распространение и использование научного знания.

В рамках этой системы устанавливаются диспозиции и взаимосвязи между отдельными элементами научно-исследовательского потенциала, типами ресурсов и их носителями: индивидами, группами, общностями, организациями.

Постулат теории социальной общности о том, что люди одновременно входят во множество общностей, даёт основания сделать заключение, что поколения вузовских общностей обладают теми же ресурсами, что и общности НПР, АУР и студенчества. Существенная разница заключается в объёме контролируемых молодыми, средними и старшими поколениями ресурсов.

Центральное место в системе ресурсного потенциала занимают научные ресурсы. Также имеют значение другие типичные для вузовских общностей ресурсы: культурные, демографические, материально-технические, финансовые, темпоральные, информационные, управленческие, социальные, символические, коммуникативные и даже ресурсы здоровья. Каждый из них может влиять на состояние университетской науки и её результативность, однако наше внимание сосредоточено на первом типе.

Научные ресурсы предлагается определять как комплекс ресурсов, обеспечивающих возможность непосредственной научной деятельности. Наиболее ценный вид ресурса этого типа – научное знание, методология и технологии его генерирования и применения. При том, что научное знание имеет выраженную специфику для каждой из наук, именно оно составляет ядро деятельности научно-образовательных общностей и главный объединяющий в такие общности людей признак.

В комплекс научных ресурсов также входит множество других их видов. Обратим внимание на наиболее важные из них.

Интеллектуальные ресурсы – способность генерировать научные знания, находить нестандартные решения и получать существенные научные результаты. Их ценность состоит в способности к саморегуляции и самовоспроизводству.

Научные интересы – основной мотивирующий фактор участия в научных проектах, который «отвечает» за выбор научной отрасли, научной проблематики и степень вовлечённости конкретного исследователя в разнообразные научные практики. Научные интересы лежат в основе формирования разнообразных коллективов исследовательских проектов, в том числе выступают консолидирующим основанием научных школ.

Публикационные ресурсы – способность представлять полученные результаты НИР в виде научных публикаций. Отражают умение преобразовывать исследовательский опыт в научные тексты, ориентироваться в мире научной издательской деятельности, выбирать издателей и сотрудничать с ними, продвигать собственные труды, труды своих коллег и коллективов.

Профессионально-этические ресурсы – комплекс профессиональной этики исследователей, совокупность моральных принципов и норм, регулирующих поведение НПР, АУР и студенчества в групповом и межобщностном

взаимодействии, а также распространяющих влияние на взаимодействие университетского сообщества с местными сообществами.

Иновационные ресурсы – способность трансформации результатов научно-исследовательской деятельности в плоскости их практического применения и коммерциализации в общественно-экономическом пространстве социума. Эти ресурсы обеспечивают процессы опытно-конструкторской и производственно-внедренческой деятельности вузов и охватывают области создания новых материалов, технологий, продуктов и услуг.

Центральная функция поколенческих групп в науке – трансфер культуры научной деятельности от поколения к поколению. Её реализация возможна только путём взаимодействия в университете в научном пространстве, что даёт основания рассматривать такое взаимодействие как отдельный вид научного ресурса. Он является особым социальным ресурсом, проявляющим себя в совместной исследовательской деятельности в разных её формах. К таким формам относятся: обучение науке в рамках обязательной образовательной программы и во внеучебное время, в студенческих научных обществах; коллективные научные проекты, деятельность научных ассоциаций, научных школ и т. д.

Научные ресурсы могут быть сбалансированными, обеспечивающими функционирование и развитие университетской науки как социального института, а также находиться в состоянии рассогласованности, обусловленном дефицитом отдельных типов ресурсов. В последнем случае наблюдаются институциональные дисфункции в сфере вузовской науки и «разрастание» академических аномалий [37].

Один из самых распространённых дисбалансов – между публикационными и профессионально-этическими ресурсами. Рынок коммерческих научных изданий явился откликом на административное давление на НПР с целью обеспечения запредельных научных показателей. Как результат, негативный опыт «научных симуляций» транслируется от представителей «поколения 1990-х» (с их ценностной аномией) к молодым учёным, которые «чтобы держать какие-то показатели, вынуждены какие-то фейковые публикации делать <...> в каких-то помоекных изданиях» (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности). Далее этот формат распространяется на общность студентов [38, с. 189; 39]. Тем самым создаётся «контура аномального подражания» как способ взаимодействия в сфере разных наук.

Наличие подобных множественных дисбалансных состояний в ресурсном потенциале университетской науки актуализирует вопрос о влиянии ресурсов вузовских поколений на развитие университетской науки.

3. Характер влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и групп на развитие университетской науки

Типологическими основаниями изучения ресурсности научно-исследовательской деятельности, научного взаимодействия поколенческих групп

вузовских образовательных общностей и, соответственно, их влияния на развитие университетской науки, выступают:

- научно-исследовательский потенциал;
- отношение к науке как ценности: инструментальная (ориентированная на достижение предписанных показателей и вознаграждения за него) или терминальная (ориентированная на получение и распространение нового научного знания);
- характер межобщностного и внутригруппового взаимодействия: солидарность (консенсус) и сотрудничество, независимое сосуществование в рамках академической культуры либо противоречия, конфликты и кризис, а также «здоровая» или «нездоровая» конкуренция.

В качестве инструмента выявления степени влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и внутриобщностных групп на развитие вузовской науки может быть предложен функциональный анализ поколений в вузе. Сравнение функциональных характеристик поколений АУР и НПР приведено в таблице 1.

Сравнение функций трёх поколений АУР и НПР¹

Поколения	Содержание функций поколения управленцев	Содержание функций поколения НПР
Молодое поколение	<ul style="list-style-type: none"> • Основные исполнители текущей (рутинной) работы • Кадровый потенциал университетского управления • Социальная база кадровых показателей • Инноваторы–катализаторы изменений 	<ul style="list-style-type: none"> • Кадровый и научный резерв • Креативщики-инициаторы научных идей и инноваций • Исполнители-измерители текущей (рутинной) научной работы • Тьюторы
Среднее поколение	<ul style="list-style-type: none"> • «Научно-образовательные менеджеры» – агенты государственной политики • «Проектанты» – разработчики стратегии развития вуза, его подразделений и направлений • Создатели и контролёры институциональных основ университетского управления 	<ul style="list-style-type: none"> • Основные исполнители научно-образовательного труда • Социальная база воспроизведения академического сообщества (поддержка устойчивой системы академических отношений и взаимодействий, распределение человеческого капитала в вузе) • Отбор инноваций в рамках научной культуры
Старшее поколение	<ul style="list-style-type: none"> • Носители и распространители уникального управленческого опыта • Коммуникаторы: а) внутри вуза; б) между вузом, властью, бизнесом и социумом, включая местные сообщества • Наставники 	<ul style="list-style-type: none"> • Распространители и контролёры академической культуры (традиций, опыта, морали) • Академические коммуникаторы (в вузе и в рамках научных организаций и направлений) • Носители символического капитала • Наставники

¹ Составлено по: инструментарий эмпирического исследования названного выше гранта.

В студенческой общности заметной разницы в ресурсном потенциале молодого, среднего и старшего поколений не выявлено, поскольку, как отмечено выше, костяк общности – это студенты бакалавриата, которым в большинстве доступна лишь учебно-научная исследовательская деятельность в рамках академических или факультативных занятий. К тому же их ресурсность ограничена спецификой «цифровой социализации». *«Наукопригодность студенчества изменилась. И в наше время не все же могли заниматься наукой. Я думаю, как раз не поменялся процент научопригодности. Студенты стали другими. Они, наверное, больше информированы в чём-то, чем мы. Ну вот где-то глубины знаний сильно не хватает»* (Э-11, м., канд. филол. наук, доцент, издатель).

Тем не менее, вклад студенчества в университетскую науку состоит в том, что оно остаётся основной социальной базой вузовской науки. Для успешного трансфера ресурсного потенциала студенческой общности в сферу науки недостаточно только материального (финансового) стимулирования, которое активно применяется в отношении молодых учёных. Эксперты говорят о необходимости восстановления традиции воспитания учёных, что требует значительного времени. *«Сейчас и срочно надо все силы прикладывать, чтобы ребята молодые здесь у нас были, чтобы им нравилось. И тут даже не квартира, не деньги. <...> Дело в том, что у нас у воспитательного процесса не стало, высокой цели. Мгновенно тут ничего не сделать, это поколение нужно»* (Э-4, м., д-р физ.-мат. наук, проректор).

Респонденты называют три условия вовлечения студенчества в «большую науку», которые невозможны без поколенческого взаимодействия. Это: *«а) "вековые" научные школы; б) руководитель этой школы, который умеет так интересно рассказать о том, чем он занимается, что за ним пойдут люди; в) интересные проекты, в которые школа научная будет вовлечена, а значит, у неё будут деньги, оборудование и созданные условия для занятий наукой»* (И-19, ж., преподаватель, соискатель, специалист управления безопасности).

Ограниченный научно-исследовательский потенциал студенчества и молодого поколения НПР компенсируется нестандартностью решения исследовательских задач, прежде всего рутинного характера, недоступных старшим поколениям учёных. Особенно это заметно в научных отраслях, требующих натурных исследований, экспедиций, работы с тяжёлым оборудованием. Закрепляется определённый формат взаимодействия: молодому поколению отводятся «технические» участки НИР, требующие использования их физической выносливости. *«Надо сделать полное лесопатологическое обследование [...]. Всё со студентами, всё с аспирантами, без них практически никак. Я пошлю студента, объясню, как и что измерить, он всё померяет, я проверю»* (Э-22, ж., канд. с.-хоз. наук, учёный секретарь кафедры).

При этом молодое поколение выступает инициатором вузовских изменений, её наиболее активная часть входит в «команды преобразований». Средние и старшие поколения для подобных команд выступают своеобразным буфером, благодаря которому обеспечивается плавность необходимых изменений

без «революционных разрушений», реализуя тем самым функцию сохранения устойчивости научно-образовательной системы.

Ресурсность среднего поколения НПР в науке реализуется в двух вариантах. Первый – достижение статуса, достаточного для занятия должности, обеспечивающей основные потребности личности. Как результат, часть НПР после защиты кандидатской диссертации «из науки, не получая нужную какую-то отдачу, <...> уходят в коммерческий сектор» (Э-18, ж., д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой). Данная ситуация характерна для научных отраслей, не входящих в перечень критически значимых и не обладающих развитым ресурсным потенциалом. В научных отраслях, поддерживаемых государством, ситуация противоположная. «По кандидатам, большая часть наших кандидатов в вузе стремятся защитить докторство. <...> У нас только в 2024 году было три защищённых доктора» (И-3, ж., начальник отдела молодёжной науки).

Реализация государственной научной политики поддержки наиболее важных отраслей и нацеленность на «омоложение» университетской науки привела к парадоксальной ситуации межпоколенческого разрыва, проявившейся в сокращении представителей среднего поколения. Даже в ресурсообеспеченных отраслях сложилась ситуация, когда «кандидаты, доктора наук молодеют. Сейчас достаточно много защищено идёт в районе 40 лет. <...> Это означает, что он заранее это задумал. Ну и гигантское количество дорабатывающих карьеру профессоров, от 60 до бесконечности. <...> Они вообще разные. А среднего поколения нет» (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности).

В «нересурсных» научных отраслях ситуация ещё жёстче: наукой занимаются в основном НПР пенсионного возраста. Более того, в таких «нересурсных» направлениях обнуляются усилия средних и старших поколений по вовлечению студентов в науку. «Ты на лекциях зажёг <студентов>, а дальше ты куда? Тут <на кафедре> тебе физически нет места» (Э-27, ж., ст. преподаватель, зав. редакционно-издательским отделом). В качестве результата появляется угроза для нормального воспроизведения университетской науки как социального института.

Вклад старших поколений НПР и АУР в развитие науки большей частью состоит в реализации их социального капитала, конвертация которого обеспечивает взаимосвязь традиционной для большинства вузов «научно-образовательной пирамиды», фундаментом которой выступает научная школа. Она понимается не только и не столько как формальная структура, а «как традиция, как окормление, это название того, чем занимается <её коллектив>. Её руководитель – это лидер, скорее, человек, олицетворяющий вот эти научные исследования» (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности).

Наши эксперты утверждают, что без научной школы, объединяющей несколько поколений, не может быть развития университетской науки. Именно в научной школе проявляется связь всех трёх поколений.

Очень важна коммуникативная функция старшего поколения АУР, связывающая университетскую науку с внешней средой – с властью, с предпринимательским сообществом, с общественным организациями. «*Россия страна особая, где важнейшую роль в успехе играют статус и коммуникация. Они взаимосвязаны. <...> Для того, чтобы добывать ресурсы, добиваться успеха, эти коммуникации нужно постоянно действовать. У молодёжи их нет, <...> у среднего поколения, естественно, есть, но ещё большую роль здесь играют старшие поколения. Их опыт нарабатывается десятилетиями*» (АУР-2, м., канд. ист. наук, ректор).

Для старшего поколения НПР вклад в университетскую науку, помимо непосредственной исследовательской работы, состоит в сохранении академических традиций. На нём «*университет держится как на фундаменте. Потому что старшее поколение пришло, когда другие ценности были в университете, когда хотели дать свои знания, <...> даже дарить, потому что зарплата невысокая была. И, что бы ни случилось, они <...> останутся в университете*» (НПР-3, ж., канд. техн. наук, доцент).

Таким образом, университетское научное пространство консолидируется вокруг «ядра» старшего поколения, которое заложило основы научных направлений вузов и традиции соответствующих школ. Средние и младшие поколения образовательных общностей через научную деятельность развивают присущую университетской науке социальную структуру и через это участвуют в её развитии.

Заключение

Использование ресурсного потенциала вузовских образовательных и поколенческих общностей для развития университетской науки связано со множеством факторов. Наиболее значимыми в их ряду являются условия для создания и распространения научного знания, трансфера культуры научной деятельности между поколениями НПР, АУР и студенчества и возможности научного взаимодействия, на основе которых происходит ресурсный обмен и конвертация ресурсов в университетской среде. Ограниченностей этих условий и ресурсные дисбалансы сдерживают возможности участия вузовских образовательных общностей в научно-исследовательской работе и развитии университетской науки.

Ресурсный потенциал поколений вузовских образовательных общностей представляет собой характеристику стратегического плана. Его ядро составляет комплекс ресурсов научных школ, который формируется на протяжении длительного времени и выступает фундаментальным основанием университетской науки. В рамках научных школ возможно оптимальное взаимодействие вузовских поколенческих и образовательных общностей, достигается синергетический эффект от совместного использования ресурсов разных поколений в научной деятельности. Ориентация на развитие научных школ в университетеском социальном пространстве может выступить одним из вариантов преодоления ограничений в реализации ресурсных потенциалов поколений вузовских образовательных общностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] ; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 251 с. ISBN 978-5-7741-0353-9. EDN **MUBVSW**.
2. Дежина И. Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 2. С. 132–149. DOI [10.19181/socjour.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10). EDN **FDBFDA**.
3. Первый год реализации программы «Приоритет-2030»: позитивные результаты и проблемные направления университетов исследовательского трека / А. И. Гусева, В. М. Калашник, В. И. Каминский, С. В. Киреев // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 9–25. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25). EDN **PQNXRI**.
4. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с. ISBN 5-248-01334-8. EDN **LAFQOX**.
5. Pilcher J. Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy // British Journal of Sociology. 1994. Vol. 45, № 3. P. 481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659). EDN **BUKSWN**.
6. Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : Morrow, 1991. 538 р.
7. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1). EDN **STOTFS**.
8. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 3–27. DOI [10.14515/monitoring.2019.1.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01). EDN **ZBJADZ**.
9. Авраамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 78–95. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.591). EDN **QEJXSY**.
10. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буранова [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Зубок ; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с. ISBN 978-5-89697-382-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022). EDN **TENQIH**.
11. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023). EDN **XFSFHH**.
12. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург : УрФУ, 2017. 904 с. ISBN 978-5-321-02540-6. EDN **ZVQSDL**.
13. Региональные особенности цифровизации высшего образования и образовательные стратегии студенчества / Н. М. Великая, Е. А. Ирсетская, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 260–278. DOI [10.15838/esc.2024.6.96.14](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.14). EDN **VDCZIY**.
14. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М. : Фонд Университет ; СПб : Владимир Даль, 2002. 451 с. ISBN 5-93615-020-8.
15. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский ; общая ред. и посл. ак. А. М. Румянцева, пер. с польского М. М. Гуренко. М. : Прогресс, 1969. 237 с. URL: <https://www.irasas.ru/publ.html?id=6132&printmode> (дата обращения: 25.02.2024).

16. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М. : Акад. проект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3. EDN **QOBZKN**.
17. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М. : Наука, 1972. 240 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373> (дата обращения: 11.06.2025).
18. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 304 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN **QOKBWV**.
19. Зборовский Г. Е. Избранное: 1972–2022. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. 749 с. ISBN 978-5-7741-0431-4. EDN **QBDVAG**.
20. Schultz T. W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. № 68 (6). P. 571–583. DOI [10.1086/258393](https://doi.org/10.1086/258393).
21. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, № 5-2. P. 9–49. DOI [10.1086/258724](https://doi.org/10.1086/258724).
22. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN **OYUVRD**. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> (дата обращения: 15.06.2025).
23. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms. N.Y. : Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.
24. Pfeffer J., Salancik G. R. The external control of organizations: A resource dependence perspective. N.Y. : Harper & Row, 1978. 300 p. ISBN 0-06-045193-9.
25. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16. EDN **OOQPIH**.
26. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9 (269). С. 28–40. EDN **OPCJZT**.
27. Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 82–103. DOI [10.19181/vis.2019.28.1.557](https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557). EDN **ZCILOX**.
28. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60–71. DOI [10.31857/S013216250020845-2](https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2). EDN **BCIOFX**.
29. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, Е. В. Кеммет // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 71–88. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88). EDN **AJWHUY**.
30. Шелер М. Формы знания и общество. Сущность и понятие социологии культуры / М. Шелер ; пер. с нем. А. Н. Малинкин // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 122–160. EDN **UCMTNX**.
31. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов / П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва, Е. В. Кеммет, А. Н. Михайлова // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 7. С. 96–116. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116). EDN **JQIVUL**.
32. Пугач В. Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 118–133. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133). EDN **TRAEQT**.
33. Резник С. Д., Чемезов И. С. Менеджеры университета: теория, практика и эффективность организации личной работы / С. Д. Резник, И. С. Чемезов ; 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 306 с. ISBN 978-5-16-016498-4. DOI [10.12737/1168572](https://doi.org/10.12737/1168572). EDN **WGSSHJ**.

34. Посухова О. Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 89–95. DOI [10.31171/vlast.v26i7.5935](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5935). EDN [XZCHID](#).
35. Исаев Д. П. О восприятии наставничества в научных династиях (по материалам интервью) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 122–130. DOI [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863). EDN [CNHPHD](#).
36. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизведение специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN [DMQCRN](#).
37. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Аномалии в поведении и взаимодействиях вузовских общностей как проблема зарубежных и отечественных исследований // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 8–26. DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.1). EDN [MPPVYE](#).
38. Шаброва Н. В., Амбарова П. А. Публикационная активность студентов российских вузов // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 9. С. 171–196. DOI [10.17853/1994-5639-2023-9-171-196](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-9-171-196). EDN [TDRBEQ](#).
39. Дремова О. В., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание практик академического мошенничества студентами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 366–394. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.972](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.972). EDN [AKHHYJ](#).

Сведения об авторе

Д. Ю. Нархов

кандидат социологических наук, доцент

SPIN-код: [7787-0479](#)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 20.08.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsn.2025.13.4.5](https://doi.org/10.19181/snsn.2025.13.4.5)

GENERATIONAL RESOURCES OF UNIVERSITY EDUCATIONAL COMMUNITIES AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SCIENCE

Dmitry Yuryevich Narkhov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
d_narkhov@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0104-7324

For citation: Narkhov D. Yu. Generational resources of university educational communities and their impact on the development of university science. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):103–126. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.5).

Abstract. The task of intensifying the participation of university science in ensuring the sustainable development of the country actualizes the problem of finding new sources for the development of university science and its social space. Such sources include the resources of university communities: educational – academic staff, administrative staff, students – and generational – young, middle and older generations. The purpose of the article is to analyze the impact of generational resources of university educational communities on the development of university science. The methodological basis of the article is generational, community-based and resource-based approaches. Empirical data were obtained based on an analysis of statistics from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and monitoring of the higher education system, as well as two waves of expert interviews with university staff in the Ural Federal District (n=115). The structure of generations of university educational communities is developed, their quantitative characteristics and the distribution of generational groups in them are given. The reasons for the predominance of the middle generation over the young and older in the communities of scientific, pedagogical and administrative workers are explained. The preservation of insufficient “scientific suitability” of students is shown. The structure of the resource potential of educational communities is analyzed. Based on the results of expert interviews, the imbalance of scientific resources and the preservation of conditions for the proliferation of academic deviations have been revealed. The typological bases for studying the nature of the influence of the resource potential of generational communities and groups on the development of university science and the corresponding tool, the functional analysis of generations in higher education institutions, are proposed. The conclusion is formulated about the limited conditions of inter-community resource exchange and resource conversion in the processes of scientific and research interaction of communities focused on the development of university science. The conclusion is made about the resource potential of generational communities as a characteristic of a strategic order, the core of which is the potential of scientific schools. The latter are a space for optimal interaction between educational and generational communities, as a result of which a synergetic effect is achieved from the joint use of resources of different generations in scientific activities.

Keywords: university educational communities, scientific and pedagogical staff, administrative and managerial staff, students, generational communities, interaction, generational resources, scientific resources, university science

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant “Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian University community of the XXI century: from crisis to consensus” of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

REFERENCES

1. Zborovsky G. E., ed. Formation of a nonlinear system of higher education in a macroregion. Yekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2018. 251 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0353-9.
2. Dezhina I. G. Science policy in Russia in 2018–2022: conflicting signals. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2023;2(29):132–149. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10).
3. Guseva A. I., Kalashnik V. M., Kaminsky V. I., Kireev S. V. The first year of implementation of the Priority 2030 program: positive results and problem areas of research track

- universities. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;3(32):9–25. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25).
4. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions [Ocherki sociologii znaniya. Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – e'konomicheskie ambicii]. Moscow: INION RAN; 2000. 164 p. (In Russ.). ISBN 5-248-01334-8.
 5. Pilcher J. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. *British Journal of Sociology*. 1994;45(3):481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659).
 6. Strauss W., Howe N. The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Morrow; 1991. 538 p.
 7. Radaev V. V. Millennials. How Russian society is changing. Moscow: VSE; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1).
 8. Omelchenko E. L. Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'nye peremeny*. 2019;1(149):3–27. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.1.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01).
 9. Avraamova E. M. The social positioning and social practices of Russian millenials. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(3):78–95. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.591).
 10. Zubok Yu. A., ed. Self-regulation in the youth environment: typology and modeling. Belgorod: E'picentr; 2022. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-382-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022).
 11. Tikhonova N. E., Latov Yu. V., eds. Human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors. Moscow: FNISC RAN; 2023. 488 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023).
 12. Vishnevsky Yu. R. (ed.) STUDENT 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals. Yekaterinburg: UrFU; 2017. 904 p. (In Russ.). ISBN 978-5-321-02540-6.
 13. Velikaya N. M., Irsetskaya E. A., Narkhov D. Yu., Narkhova E. N. Educational strategies of students in the context of digitalization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=E'konomicheskie i social'nye peremeny': fakty', tendencii, prognoz*. 2024;17(6):260–278. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2024.6.96.14](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.14).
 14. Tannis F. Community and society: basic concepts of pure sociology [Obshhnost' i obshhestvo: Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii]. Moscow: Fond Universitet; SPb: Vladimir Dal; 2002. 451 p. (In Russ.). ISBN 5-93615-020-8.
 15. Shchepansky J. Elementary concepts of sociology [E'lementarnye ponyatiya sociologii]. Moscow: Progress, 1969. 237 p. (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6132&printmode> (accessed: 25.02.2024).
 16. Giddens E. The structure of society: an essay on the theory of structuration [Ustroenie obshhestva: ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akad. proekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
 17. Yadov V. A. Sociological research: methodology, programs, methods [Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programmy', metody']. Moscow: Nauka; 1972. 240 p. (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373> (accessed: 11.06.2025).
 18. Zborovsky G. E. Theory of social community [Teoriya social'noj obshhnosti]. Yekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2009. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-7741-0119-1.
 19. Zborovsky G. E. Selected: 1972–2022. Yekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2023. 749 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0431-4.

20. Schultz T. W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571–583. DOI [10.1086/258393](https://doi.org/10.1086/258393).
21. Becker G. S. Investment in human capital: a theoretical analysis. *Journal of Political Economy*. 1962;70(5-2):9–49. DOI [10.1086/258724](https://doi.org/10.1086/258724).
22. Bourdieu P. Forms of capital. *Journal of Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya*. 2002;3(5):60–74. (In Russ.). Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> (accessed: 15.06.2025).
23. Homans G. C. Social behavior: its elementary forms. New York; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc.; 1961. 404 p.
24. Pfeffer J., Salancik G. R. The external control of organizations: A resource dependence perspective. New York: Harper & Row; 1978. 300 p. ISBN 0-06-045193-9.
25. Radaev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion [Ponyatie kapitala, formy' kapitalov i ix konvertaciya]. *Social Sciences and Modernity=Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*. 2003;(2):5–16. (In Russ.).
26. Tikhonova N. E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies [Resursnyj podxod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyx issledovaniyax]. *Sociological studies*. 2006;9(269):28–40. (In Russ.).
27. Drozdova J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(1):82–103. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.28.1.557](https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557).
28. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Resource mobilization of the research and pedagogical community: Russian practices and regional dimension. *Sociological studies*. 2022;(9):60–71. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020845-2](https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2).
29. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Katashinskikh V. S., Kemmet E. V. Resource capacity of academic staff of Ural Federal District Universities: qualitative research. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(5):71–88. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88).
30. Sheler M. Forms of knowledge and society. The essence and concept of the sociology of culture [Formy' znaniya i obshhestvo. Sushhnost' i ponyatie sociologii kul'tury']. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 1996;(1-2):122–160.
31. Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V., Mikhailova A. N. Research culture of Russian university students. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(7):96–116. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116).
32. Pugach V. F. One more time about the age of teachers in Russian universities: Old Problems and new trends. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(3):118–133. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133).
33. Reznik S. D., Chemezov I. S. University managers: theory, practice and efficiency of personal work organization. Moscow: INFRA-M; 2021. 306 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-016498-4. DOI [10.12737/1168572](https://doi.org/10.12737/1168572).
34. Posukhova O. Yu. The role of professional dynasties in the academic environment of Russian society. *Power=Vlast*. 2018;26(7):89–95. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i7.5935](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5935).
35. Isaev D. P. On the perception of mentoring in scientific dynasties (based on interview materials). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2021;(63):122–130. DOI [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863).
36. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis. Moscow: FNISC RAN; 2023, 383 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).

37. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Anomalies in the behavior and interactions of university communities as a problem of foreign and Russian research. *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences=Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Social'no-e'konomicheskie nauk.* 2021;(3):8–26. DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.1).
38. Shabrova N. V., Ambarova P. A. Publication activity of Russian university students. *The Education and Science Journal=Obrazovanie i nauka.* 2023;25(9):171–196. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2023-9-171-196](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-9-171-196).
39. Dremova O. V., Maloshonok N. G., Terentiev E. A. Seeking justice in academia: criticism and justification of student academic dishonesty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'nye peremeny'.* 2020;(4):366–394. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.972](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.972).

Information about the Author

D. Yu. Narkhov

Candidate of Sociology,

Associate Professor

ResearcherID: [W-1675-2017](https://orcid.org/0000-0002-1675-2017)

Scopus AuthorID: [57189687030](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57189687030)

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 20.08.2025.